

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ СЕМИОЗИС

¹М.К. Ташбулатова, ²Э.К. Саудабекова*

^{1,2}НАО Университет Нархоз (Алматы, Казахстан)

¹makhabbat.tashbulatova@narхоз.kz, ²elmira.saudabekova@narхоз.kz

¹M. Tashbulatova, ²E. Saudabekova

^{1,2}Narхоз University (Almaty, Kazakhstan)

¹makhabbat.tashbulatova@narхоз.kz, ²elmira.saudabekova@narхоз.kz

Ссылка: Ташбулатова М.К., Саудабекова Э.К. Идентичность и ее семиозис // *Аль-Фараби*. – 2026. – Т. 25. № 2(94). – С. 80-95.

Аннотация. Статья посвящена проблеме человеческой идентичности и ее знаковому обеспечению (семиозису). В статье обосновывается и разъясняется оправданность применения в социальной философии, психологии, социологии и некоторых других науках термина «идентичность», а не термина «тождество», так как он в них выполняет специальную функцию и его применение подчиняется не диалектической, а формальной логике. Отмечается при этом, что термин «тождество» может использоваться в тех случаях, когда он не несет в их контексте специальную концептуальную нагрузку. Обосновывается тезис о том, что индивид, живущий в сложно устроенном социокультурном целом, а таковыми практически являются все населенные пункты планеты, к тому же включенные в более сложные образования (вплоть до государственного), не может обладать всего лишь одной или несколькими идентичностями. Как человек он полиидентичен. И чем в большую социокультурную систему он включен, тем большим числом идентичностей он обладает. При этом, во-первых, не все его идентичности одинаково для него значимы и ценны (существуют и те, которых он предпочел бы не иметь), а во-вторых, с позиций социокультурного целого и с позиций индивида его идентичности обладают неодинаковой значимостью и ценностью. Феномен идентичности, как правило, наряду с ценностными всегда имеет и семиотические маркеры. В статье это продемонстрировано на феномене моды.

Ключевые слова: идентичность, самоидентичность, логика диалектическая, логика формальная, семиозис, мужчина, женщина, пол, гендер, мода.

Введение

Феномен идентичности обрел концептуальный смысл в начале второй половины XX века в психологии. Впоследствии он проник в социологию и социальную философию. После распада Советского Союза он проник в

* Автор-корреспондент: Э.К. Саудабекова, elmira.saudabekova@narхоз.kz

находящуюся в глубоком кризисе официальную советскую философию, социологию, психологию и некоторые другие дисциплины. При этом одни сразу же согласились включить понятие идентичности в концептуальный аппарат социальной философии и других социогуманитарных дисциплин. Другие не усматривали в этом необходимости, поскольку английское слово *identity* по-русски означало «тождество». Некоторые исследователи пытались обосновать целесообразность включения понятия «идентичность» в русскоязычный концептуальный аппарат на том основании, что оно выполняет в нем особую функцию и подчиняется особой логике. Эту проблему необходимо проанализировать и решить в настоящей статье. Кроме того, в статье поставлена цель обсудить семиотический аспект феномена идентичности. Эти два вопроса и являются предметом внимания в настоящей статье.

Методология исследования

В статье применен ряд классических философских методов, принципов, категорий и понятий. Сравнительный метод позволил развести понятия тождества и различия в формальной логике и аналогичные понятия в диалектической логике, что стало основанием оправданности применения понятия идентичности в казахстанской социальной философии в том статусе, в каком оно употребляется в зарубежной социальной философии и не только в ней. Принцип конкретного историзма позволил понять, почему проблема идентичности стала особо актуальной именно в Новое время. В статье показано, что это было вызвано коренными трансформациями общественных отношений в эпоху модерна, которые привели к усложнению социальных ролей личности и актуализировали потребность человека в самоопределении и поиске устойчивых оснований собственной идентичности. Логика соотношения знака и значения позволила понять, как и почему проблема идентичности связана с проблемой семиозиса.

Феномен идентичности и его специфика

В наше время, отмечает З. Бауман, «"идентичность" становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [1, с. 176]. А Е. Е. Бразговская как бы добавляет: «Проблемы идентичности настолько значимы в современном мире, что речь идет о настоящем взрыве исследовательского интереса к ним» [2, с. 108]. Как феномен идентичность сопровождала человека и человеческие общности со времени их возникновения. Как предмет теории он стал лишь в 60-е годы XX века. Но как проблема он появился несколькими столетиями раньше. З. Бауман пишет: «Идентичность как таковая является изобретением модерна» [3, с. 133], т.е. Нового времени. Переход от традиционного общества к индустриальному, развитие капиталистического способа производства, урбанизация, рост социальной мобильности, ослабление сословных связей,

формирование национальных государств – все это способствовало актуализации проблем самоидентификации личности и социальных групп. В постсоветскую философию понятие идентичности вошло после разрушения Советского Союза. Многие философы, социологи, психологи и некоторые другие представители социо-гуманитарных наук, устав от многодесятилетнего диктата официальной «марксистско-ленинской» философии, стали обращаться к разнообразным западным философским учениям, именовавшимся «буржуазными». Так, наряду с многими другими понятиями в постсоветские философские учения проникло понятие «идентичность». Однако еще в 1979 году была издана книга советских исследователей в области истории, этнологии и лингвистики под названием «Китайский этнос на пороге средних веков» [4], где «термин “идентификация” употребляется в контексте межэтнических процессов и формирования представлений о различии между народами, а также анализа причин, их обусловливающих» [5, с. 29]. Также не следует забывать о вкладе таких советских ученых и мыслителей, как М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, С. Л. Рубинштейн, которые разработали принципы, которые служат методологическим основанием для современных исследований феномена идентичности.

В статье «Неудобства с идентичностью» В. С. Малахов пишет: «Поскольку в отечественной культурной традиции “идентичность” передавалась обычно как “тождество”, русскому уху не слышно то, что в романо-германском ареале воспринимается как естественное. Мы, например, не слышим, что в работе Хайдеггера “Идентичность и дифференция” разрабатывается то же самое понятие, какое развивал в своей “Философии тождества” Шеллинг. Мы не привыкли связывать критику “мышления тождества” у Адорно и Хоркхаймера и проблематику “идентичности” в социологической и социально-философской литературе 70-80-х годов. Между тем во всех этих случаях мы имеем дело с одним и тем же термином» [6, с. 43]. Малахов объяснил распространение понятия идентичности проявлением «эффекта добавленной валидности». Он пишет: «Эффект этот состоит в завышенных ожиданиях от чужого слова. В приписывании термину, пришедшему из иностранных языков, особой значимости, что в свою очередь сопряжено с некорректным употреблением такого термина» [6, сс. 43-44].

Дело в том, что в самом конце XX века наблюдался интенсивный процесс заимствования иностранной лексики, при котором традиционные понятия, термины и даже общеупотребительные слова стремительно вытеснялись иностранными, преимущественно англоязычными. «И вот русская речь и в устной, и в письменной формах запестрела “дилерами”, “брокерами”, “маклерами”, “аудитами”, “консалтингами”, “фьючерсами”, “блогерами”, “франшизами”, “коучингами”, “электоратами”, “саммитами”, “модераторами” и т. д. и т. д. ...» [7, с. 5] С. Г. Кара-Мурза в своей книге «Манипуляция сознанием» пишет: «Из науки в идеологию, а затем и в обыденный язык перешли в огромном количестве слова-“амебы”, прозрачные, не связанные с контекстом реальной жизни. Они настолько не связаны с конкретной реальностью, что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применимости исключительно широка

(возьмите, например, слово прогресс). Это слова, как бы не имеющие корней, не связанные с вещами (миром). Они делятся и размножаются, не привлекая к себе внимания, - и пожирают старые слова. Важный признак этих слов-амеб – их кажущаяся “научность”. Скажешь коммуникация вместо старого слова общение или эмбарго вместо блокада – и твои банальные мысли вроде бы подкрепляются авторитетом науки. Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают самые фундаментальные понятия нашего мышления» [8, с. 90]. Подобные слова не просто вытесняют старую лексику, они способны изменить сам способ мышления. Они лишены укоренённости в жизненном опыте, поэтому формируют абстрактное, отчуждённое восприятие действительности, в котором реальные процессы подменяются удобными словесными оболочками. Использование таких слов создаёт иллюзию глубины, объективности и интеллектуальной обоснованности высказывания. В результате язык перестаёт быть инструментом понимания мира и становится средством символического доминирования, где форма заменяет содержание.

Впервые развернутое теоретическое осмысление термин «идентичность» получил в работах Э. Х. Эриксона. Именно благодаря концептуализации термина «идентичность», осуществленной Э. Х. Эриксоном, данный термин был введен в научный оборот как специальное понятие сначала в психологии, а затем и в более широком поле социогуманитарных дисциплин. Во Введении к своей книге «Идентичность: юность и кризис» (1968 г.) он пишет: «За двадцать лет, прошедшие с тех пор, как этот термин был впервые употреблен в том смысле, как он понимается в этой книге, он приобрел столько значений, а объем его настолько расширился, что, казалось бы, пришло время расширить границы его употребления. Но понятие, обозначаемое столь объемным термином, по самой своей природе подвержено историческим изменениям. Термины идентичность и кризис идентичности и в широком и в научном употреблении описывают нечто столь широкое и на первый взгляд самоочевидное, что, казалось бы, настаивать на точном определении означает придираться; в то же время иногда они применяются столь узко, что общий смысл термина теряется и с таким же успехом можно было бы использовать какой-нибудь другой» [9, с. 24]. Но в то же самое время Эриксон говорит, что «...концептуализация идентичности привела к появлению ценных исследований, если и не проясняющих, что же такое идентичность, то нашедших применение в социальной психологии» [9, с. 25]. При этом сам исследователь избегает четкого определения феномена идентичности, отметив лишь, что «эта проблема столь всеобъемлюща и всё же столь трудноуловима» [9, с. 31].

На Западе проблематика идентичности получила широкое распространение благодаря именно Эриксону. Постепенно понятие идентичности превратилось в одно из ключевых понятий социогуманитарных наук. К данному понятию обращались, к примеру, Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Э. Фромм, Ю. Хабермас, З. Бауман и другие. Вот, к примеру, что писал Э. Фромм: «Так же, как потребности в соотнесенности, укорененности в трансценденции, его потребность в чувстве идентичности настолько жизненна и императивна, что человек не

может оставаться психически здоровым, если не находит какого-то способа её удовлетворения» [10, с. 61].

На сегодня появилось множество трактовок данного феномена. Дискуссии о концептуальном содержании понятия «идентичности» продолжаются до сих пор, появляются все новые и новые трактовки данного феномена, но, как пишет А. А. Хамидов, «исследователи продвинулись ненамного» [7, с. 6]. С ним согласны другие казахстанские исследователи – В. Дунаев и В. Курганская: «При том пристальном внимании, которое в последние годы уделяется социогуманитарными дисциплинами проблемам идентичности, исследования, посвященные логической структуре этого понятия, крайне редки» [11, с. 36].

В западноевропейской философской традиции, как известно, существуют два противоположных типа логики – формальная и диалектическая. Один из законов формальной логики выражен в положении: *«Всё равно самому себе; $A = A$. Или отрицательно: A не может быть в одно и то же время A и не- A »* [12, с. 30]. Диалектическая логика выражается формулой *« A и не- A »*. Это - конкретное тождество. Диалектика утверждает, говоря словами Гегеля, «понятие тождества тождества и нетождества» [13, с. 131]. В диалектике, следовательно, имеется ввиду тождество противоположностей.

Нетрудно заметить, что понятие идентичности, как оно применяется в современной социальной философии, и сама концепция идентичности основывается не на диалектической логике, а на логике формальной. Понятие идентичности, которым оперирует постсоветская социальная философия, психология и т. д., противостоит понятию различия. Это не значит, что понятие различия полностью изгоняется из концепции идентичности. Но оно как бы выносится за скобки данной концепции. Идентичность – это своеобразное анти-различие. Установление различия лишь подчеркивает идентичность. Следовательно, дело вовсе не в эффекте «добавленной валидности», о чем пишет В. С. Малахов и чем он объясняет внедрение в социальную философию, социологию, психологию и т. д. понятия идентичности в такой именно трактовке.

Как пишет А. А. Хамидов, «необходимо выяснить, для решения какой задачи (или каких задач) используется так понимаемое понятие идентичности» [7, с. 13]. И он приходит к следующему выводу: «Задачи, которые ставятся в социальной философии (ограничимся ею) благодаря понятию идентичности, состоят в установлении каждый раз конкретной идентичности и самоидентичности. При решении таких задач диалектическая логика с её специфической трактовкой тождества и различия и их соотношения тут неуместна; она может лишь запутать в их решении. Результат процесса идентификации должен быть однозначным и категоричным: идентичен тот или иной индивид другому индивиду, или группа другой группе, или же не идентичны? Различие при установлении идентичности, конечно, фигурирует, но фигурирует как то, что не соответствует установленной идентичности, несовместимо с ней. Следовательно, различие в концепции идентичности и в реальном установлении идентичности и самоидентичности играет чисто отрицательную и всецело служебную роль.

Сказанное и *оправдывает* обращение в современной социальной философии понятия идентичности и концепции идентичности, призванных решать в составе этого раздела философии вполне конкретный и строго *ограниченный* комплекс задач» [7, с. 13].

Прежде чем двигаться дальше, необходимо ответить на вопрос: сколько у человека может быть идентичностей? Е. О. Труфанова отвечает на него так: «Существует множество идентификаций, идентичность же – одна» [14, с. 13]. Но если это так, то что́ дают многочисленные идентификации? Ведь результатом любой идентификации является идентичность! И если истинная идентичность у человека одна-единственная, то все идентификации и их результаты являются иллюзорными, ложными. И как не затеряться подлинной идентичности среди множества неподлинных? Сама Труфанова ответа не дает. Но большинство исследователей утверждают, что каждый человек обладает несколькими идентичностями, то есть что он *полиидентичен*. Мы придерживаемся именно данной позиции. Структура идентичности в свете диалектико-логического подхода включает три основных момента: 1) идентичность как отношение человека к самому себе; 2) идентичность как отношение человека к другому человеку (идентичность, устанавливаемая через отношение к другому, к другим); 3) идентичность, как принадлежность человека некоему объемлющему Целому. То же относится и к локальным общностям (группам, объединениям и т. п.). Будучи обособленными друг от друга, данные моменты выступают тремя типами идентичности и идентификации.

Все идентичности подразделяются прежде всего на объективные и субъективные. Объективная идентичность формируется в реальном процессе жизнедеятельности людей, в контексте социокультурной действительности. Субъективная же идентичность, которую, на наш взгляд, правильнее называть самоидентичностью, является результатом самоидентификации, результатом осознания и осмысления человеком собственной идентичности. Следовательно, с этой точки зрения, в социокультурной действительности существуют объективные идентификационные процессы и субъективные процессы самоидентификации, самоидентификационные процессы. Субъективные идентичности, так сказать, сосредоточены на стороне индивидов, групп и т. д., объективные – на стороне социума как целого. Конечно, это общественное целое не стоит вне индивидов, групп и т. д.

Как объективные, так и субъективные идентичности, как правило, обладают ценностной определенностью. А это значит, что все они (или почти все) выстроены в ценностную субординацию и каждая идентичность на шкале ценностей занимает определенное положение. Ценностный статус идентичностей и самоидентичностей не является данным или определенным раз и навсегда. Он может меняться в зависимости от различных социальных условий и под влиянием самых различных факторов. При этом ценности и их субординация, гласно или негласно утвержденная общественным целым, не всегда совпадает с субъективными шкалами ценностей индивидов и групп. Индивид или

общность по-разному могут оценивать свои объективные идентичности. Но, конечно, существуют как объективные, так и субъективные идентичности и самоидентичности, которые являются ценностно нейтральными.

На этом мы завершим характеристику феномена идентичности и перейдем к анализу его семиотического аспекта.

Семиотические маркеры идентичности

Человек, его общество и культура не могли бы не только существовать, но и возникнуть без особого рода деятельности и её результатов, которая получила название «семиозис» (от греческого σημείον – «знак»). Обычно различают практическую и духовную деятельность. Однако между этими видами деятельности находится, а кроме того, входит в состав вышеназванных, обеспечивая тем самым их полноценное функционирование, *знаковая* деятельность, деятельность по производству и интерпретации знаков, то есть семиозис. Самыми исторически первыми человеческими знаками были слова устной речи и сопровождавшие их жесты и мимика. Проблематике жестов и мимики посвящаются специальные исследования. См., напр.: [15. Гл.3]; [16]; [17]; [18]; [19]; [20]. Следует отметить, что известный французский лингвист Ф. де Соссюр проводил различие между речью и языком. «По нашему мнению, - писал он, понятие языка не совпадает с понятием речевой деятельности вообще; язык – только определенная часть – правда, важнейшая часть – речевой деятельности. Он является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка. Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального, и к сфере социального; её нельзя отнести определенно ни к одной категории явлений человеческой жизни, так как неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство.

В противоположность этому язык представляет собою целостность сам по себе, являясь, таким образом, отправным началом (principe) классификации. Отводя ему первое место среди явлений речевой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в эту совокупность, которая иначе не поддаётся классификации» [21, с. 47–48]. Соссюр, кроме того, утверждал, что «естественной для человека является не речевая деятельность как говорение (langage parlé), а способность создавать язык, то есть систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям» и «единство в речевую деятельность вносит язык» [21, с. 49]. Соссюр не разъясняет, речь и язык появились одновременно или же язык появился позже. Возможно, правильным будет допустить второе. «У звуковой речи, - пишет В. А. Истрин, - при всех её неисчерпаемых возможностях есть существенные недостатки – ограниченность

в пространстве (речь слышна лишь на малом расстоянии) и ограниченность во времени (речь слышна только в момент её произнесения» [22, с. 11]. Правда, в дописьменную эпоху недостатки компенсируются отменной памятью людей того времени. Но, конечно, этого мало. И на определенном этапе исторического развития появляется письменность и появляются специальные знаки для фиксации речи (пиктографическое, иероглифическое, слоговое, буквенное письмо).

Первыми речевыми знаками, которые выделились из речи, были имена индивидов и названия каких-то конкретных мест (деревьев, рощ, камней, утёсов и т. п.), в которых, по поверьям первобытных людей, являлось им нечто *священное* (иерофания). Когда человеческие общности были сравнительно немногочисленными, человек имел одно имя (конечно, у некоторых народов имя человека менялось прохождением возрастных стадий. К примеру, греческие полисы были немногочисленными и известным индивидам добавлялось указание места, откуда он родом: например, Зенон из Элеи и Зенон из Китиона). Позже появились фамилии, а у некоторых народов и отчества.

Помимо наделения семиотической атрибутикой человек наделял ею также и своё тело. Современные семиотики называют результат такого семиозиса *семиотической концептуализацией тела или/и отдельных его частей*. «Семиотическая концептуализация тела – это модель того, как тело и другие соматические объекты представлены в естественном языке и в соответствующем ему языке тела. И, что очень важно, такая модель отражает взгляды не специалиста-ученого, а обычного человека (именно по этой причине она и получила полное название *наивной семиотической концептуализации тела*)» [18, с. 27].

В сложноорганизованных обществах существует развитое разделение деятельности и труда, что приводит к образованию относительно обособленных друг от друга сфер: материального производства, науки, искусства, религии, политики, права, армии и др. Внутри же этих сфер происходит дифференциация профессий, должностей и т. д. В некоторых отраслях государство в целях идентификационной ориентации вырабатывает специальные знаковые отличия. Обычно это форма одежды. Так, военнослужащие отличаются специальной формой. Кроме того, у каждого рода войск своя форма, которую нельзя спутать с какой-то другой. Военнослужащие выстроены по званиям от рядового до маршала: рядовые, сержанты, старшины, младшие и старшие офицеры, генералы и маршалы. Все они отличаются формой одежды, знаками рода войск и знаками служебного статуса. Форменная одежда существует у железнодорожников, лётчиков гражданской авиации и моряков гражданского флота, работников суда и прокуратуры, полиции и т. д. Но лица, носящие специальную форму одежды, составляют меньшинство любого общества. Остальные люди носят обычную одежду.

Но говоря о человеке, мы должны учитывать следующее. «Человек, - писал Н.А. Бердяев, - является существом половым, то есть *половинчатым*, ущербным и стремящимся к восполнению, не только в своей физиологии, но и в своей психологии» [23, с. 134; курсив наш – Авт.]. Однако в этом стремлении не всё так просто, причем с самых древних времён. «Трудно назвать область человеческих

отношений, которая была бы окутана такой массой мифов и предрассудков, как отношений мужчины и женщины» [24, с. 8]. Казалось бы, всё должно быть ясным: всё, что существует, выражаясь языком теософов, всё в проявленном мире *двойственно*, является единством противоположных начал. Так же и человек – это не мужчина сам по себе и не женщина сама по себе, а их единство, как это и отмечает Н. А. Бердяев. И таким же законом мироздания является то, что противоположности обладают не только внутренним сущностным единством, но каждая своей внутренней сущностной спецификой, подобно началам *инь* и *ян* согласно даосской философии. Применительно к нашей теме это значит, что мужчина и женщина, воплощая в себе человеческую сущность, каждый отличается анатомией, физиологией, духовной конституцией и определенными аспектами сознания. Как правильно пишет Н. А. Бердяев: «Пол не есть только специальная функция в человеке, связанная с половыми органами; он разлит по всему организму человека [23, с. 134].

Однако эта великая истина, очевидно, действовала лишь в глубокой древности, до так называемой неолитической революции. Суть этой революции состояла в том, что человечество переходило от бродячего образа жизни и присваивающей экономики к оседлости и к производящей экономике. Этот переход стимулировал бурное развитие первобытного общества, так что некоторые исследователи собственно человеческую историю начинают с неолитической революции. В этой ситуации стали возникать новые потребности и соответствующие им способы их удовлетворения; появились новые формы производственной и непроизводственной деятельности; стала расширяться и эволюционировать сфера орудийных средств. Всё это вызвало бурные темпы роста населения. Первобытное стадо стало трансформироваться в человеческое общество и культуру. В то же время эта трансформация влекла за собой искажение прежде (в донеолитический период) отношений мужчины и женщины.

Стали появляться всё новые и новые формы деятельности (прежде всего, труда) и применяемые в них орудия, которые больше соответствовали особенностям мужского организма и мало подходили, а то и вовсе не подходили женщине. Социальные роли мужчины и женщины в рамках общества разделились. На долю мужчины выпала производственная деятельность, добывание средств существования, а также воинские обязанности, а на долю женщины – быт и деторождение. Такое разделение деятельности и распределение занятий закреплялось и стало казаться вполне нормальным. Так постепенно мужчина как социальный агент выдвигается на передний план социокультурной действительности, а женщина – на второй. Пока ещё по горизонтали. Но наступает время, когда горизонталь выпрямляется в вертикаль. Мужчина занимает положение на её вершине, женщина – у её основания. Это явилось, как отметил Ф. Энгельс, «*всемирно-историческим поражением женского пола*» [25, с. 60]. «В обществе, - отмечает О. В. Шабурова, - возникает система норм поведения, предписывающая выполнение определённых половых ролей; соответственно возникает жёсткий ряд представлений о том, что есть “мужское”

и “женское” в данном обществе» [26, с. 177]. Эти представления могут быть онтологически релевантными, но могут быть (а на деле – так только и бывает) и иррелевантными. И эта ситуация продолжается до настоящего времени. Правда, с XIX века женщины начинают борьбу за свои права. Со временем женские движения переросли в феминизм и т. д. (данный вопрос не входит в рассмотрение в рамках данного текста).

В 1949 г. С. де Бовуар издала монографию под названием «Второй пол», в которой, судя по всему, отрицательно реагируя на афоризм З. Фрейда о том, что «анатомия – это судьба» [27, с. 79], заявила: «Женщиной не рождаются, ею становятся» [27, с. 310]. А в 1955 году американский психолог Дж. Мани ввёл понятие «гендер» (gender), заимствовав его из грамматики, для различения биологического пола (sex) и социальной роли человека, тем самым отчасти подвёл концептуальное основание под положение Бовуар. Данное различие-противопоставление прижилось и вскоре стали появляться так называемые гендерные исследования, проводятся научные форумы, на которых стала обсуждаться гендерная тематика и проблематика. «Гендер..., - пишет Дж. Скотт, - является социальной категорией, назначенной телу, имеющему пол» [28, с. 410]. Сказано очень точно: именно *назначенной*. Ю. Эвола отмечает: «Все ныне существующие концепции мужчины и женщины состряпаны наспех и очень приблизительно» [29, с. 64]. Все эти концепции не являются удовлетворительными, так как созданы, исходя из наличной, хотя и многотысячелетней, ситуации, в которой мужчина и женщина взаимосотносятся друг с другом по принципу господства и подчинения.

Идентичность, семиозис и мода

Но мы существуем в наличной ситуации, которая пронизана именно этими взаимоотношениями. В этой ситуации принято различать пол и гендер и половые и гендерные идентичности имеют свою семиотику. Мужчины и женщины имеют, как правило, разные фасоны одежды, разную обувь, разные причёски и т. д. С незапамятных времён появился такой культурный феномен, как *мода*. Мода – это «совокупность привычек, ценностей и вкусов, принятых в определённой среде в определённое время [30]. Наиболее ярким феноменом моды является одежда, особенно женская. Л. Свендсен считает, что культурная значимость моды стала заметной в эпоху Возрождения и постоянно возрастала [31, с. 6].

Ян Цзя различает одежду, костюм и моду. Он пишет: «“Одежда” – это совокупность покровов, защищающих человека от климатических воздействий и являющихся некоторым проявлением его индивидуальности. “Костюм” – означает отличительный стиль в одежде, отражающий социальную, национальную, региональную принадлежность человека. “Мода” характеризует знаково-символическую, смысловую сторону “костюма” в отличие от его материальной предметной стороны. Она добавляет этому предмету другие смыслы, чаще всего превосходящие по своей ценности собственно материальные. Мода – это

не просто предмет гардероба, обогащенный дополнительными смыслами, но это особое явление, сигнал, признак, знак, знаковая система, материальным носителем которых является одежда, костюм» [32, с. 3].

Принципом моды является её новизна и оригинальность. «Принцип моды, - пишет Л. Свендсен, - заключается в том, чтобы увеличивать скорость и делать предмет как можно быстрее немодным, чтобы опять создать новый» [31, с. 38]. Ещё раньше Г. С. Батищев отмечал, что человеку, стремящемуся всегда быть модным, «приходится стараться “ловить” самое начало волны капризной Моды и бежать изо всех сил впереди неё» [33, с. 358]. Р. Барт в своей книге «Система моды», по его же словам, провёл «структурный анализ женской одежды, как она описывается ныне в модных журналах...» [34, с. 31]. Вот обыкновенная женская юбка. В 1910-е годы юбка до колен или выше колен – вызов, знак эпатирующей непристойности. В 1920-е годы она стала модной. Потом настали времена, когда было не до покроя юбок. Но в 1960-е мини-юбка стала не просто модной, но в Западной Европе она стала знаменем свободы и освобождения в молодёжных бунтах. Сегодня никто не обращает внимания на длину юбки. Она утратила свою значимость, а, следовательно, перестала быть зна́ком, приняла семиотически нейтральный статус. Такова она – Мода.

Заключение

В статье была поставлена задача, во-первых, обратить внимание на некоторые аспекты проблемы идентичности и идентификации, которые продолжают оставаться дискуссионными и высказать свое мнение о них. Во-вторых, затронуть тему и проблему тесной связи феномена идентичности с феноменом семиозиса. Вступая в дискуссию о количестве идентичностей у человека, авторы заняли позицию, согласно которой человек не может обладать одной-единственной идентичностью. И чем сложнее устроена наличная социокультурная жизнь, тем бóльшим числом идентичностей он обладает. Эти идентичности для социума и для данного индивида могут обладать разной значимостью, но без них данный индивид реально не может существовать как член данного социума.

В статье показано, что знаковые системы распространяются и на феномен идентичности. Всякая идентичность или самоидентичность помимо своего ценностного аспекта (правда, существуют и ценностно нейтральные идентичности) имеет и свой семиотический маркер. В статье это проиллюстрировано на примере моды, диктат которой стал особо сильным в XX и в наступившем XXI веке.

Список литературы

- 1 Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. – 325 с.
- 2 Бразговская Е. Е. Семиотика идентичности // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 108 - 115.
- 3 Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133 – 154.

- 4 Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. - 327 с.
- 5 Задворная Е. С. Феномен идентичности: история формирования понятия и современные подходы к изучению [Текст] //Ценности и смыслы. 2017. №1 (47). С. 24 - 37
- 6 Малахов В. С. Неудобства с идентичностью //Вопросы философии. М., 1998. № 2 . С. 43 – 53.
- 7 Хамидов А. Категории тождества и понятие идентичности //Аль-Фараби. 2019. №1. С. 3 - 18
- 8 Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО, 2005. – 832 с.
- 9 Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Изд. 2-е, М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. – 352 с.
- 10 Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995. – 239 с.
- 11 Дунаев В., Курганская В. Идентичность: семантика понятия и логика дискурса // Аль-Фараби. 2020. №2 (70). С. 36 -52
- 12 Гегель Г. В. Ф. Наука логики. [В 3-х т.]. Т. 2. М.: Мысль, 1971. – 248 с.
- 13 Гегель Г. В. Ф. Наука логики [В 3-х т.]. Т. 1. М.: Мысль, 1970. – 501 с.
- 14 Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей //Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13 – 22.
- 15 Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: НЛО, 2002. – 592 с.
- 16 Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.: Языки русской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2001. – 256 с.
- 17 Куприянов В. В., Стовичек Г. В. Лицо человека: анатомия, мимика. М.: «Медицина», 1988. – 268 с.
- 18 Язык и семиотика тела. Т. 1. Тело и телесность в естественном языке и языке жестов. М.: «НЛО», 2020. – 396 с.
- 19 Язык и семиотика тела. Т. 2. Естественный язык и язык жестов в коммуникативной деятельности человека. М.: «НЛО», 2020. – 264 с.
- 20 Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: «Русский язык», 1991. – 145 с.
- 21 Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики //Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: «Прогресс», 1977. С. 31 – 285.
- 22 Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М.: «Наука», 1965. – 601 с.
- 23 Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии //Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. – С. 4 -163.
- 24 Тартаковская И. Н. Зачем нужен второй «Гендер для “чайников”» //Гендер для «чайников» - 2. М.: «Звенья», 2009. С. 7 – 23.
- 25 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана //Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21. М., 1961. С. 23 – 178.
- 26 Шабурова О. В. Гендерные исследования //Современный философский словарь. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. – С. 180 – 183
- 27 Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2. М.: «Прогресс»; СПб.: «Алетейя», 1997. – 832 с.
- 28 Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа //Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: «Алетейя», 2001. С. 405 – 436.
- 29 Эвола Ю. Метафизика пола. М.: «Беловодье», 1996. – 444 с.

- 30 Мода. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мода>
31 Свендсен Л. Философия моды. М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 256 с.
32 Ян Цзя. Семиотика моды (костюма) в контексте межкультурной коммуникации. Автореферат дис. ... Канд. культурологии. Шуя, 2011. – 16 с.
33 Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997. – 463 с.
34 Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.

Transliteration

- 1 Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society]. - M.: Logos, 2002. – 325 s. (in Russ)
2 Brazgovskaya E. E. Semiotika identichnosti [Semiotics of Identity] //Vestnik Permskogo un-ta. Rossijskaya I zarubezhnaya filologiya. 2014. Vyp. 4 (28). S. 108 – 115. (in Russ)
3 Bauman Z. Ot palomnika k turistu [From Pilgrim to Tourist] //Sociologicheskij zhurnal. 1995. №4. S. 133 – 154. (in Russ)
4 Krjukov M. V., Maljavin V. V., Sofronov M. V. Kitajskij etnos na poroge srednih vekov. [The Chinese Ethnos on the Threshold of the Middle Ages]. - M.: Nauka, 1979. – 327 s. (in Russ)
5 Zadornaya E. S. Fenomen identichnosti: istoriya formirovaniya ponjatija I sovremennye podhody k izucheniju [Tekst] [The Phenomenon of Identity: The History of the Concept's Formation and Contemporary Approaches to its Study] //Cennosti i smysly. 2017. №1 (47). S. 24 – 37 (in Russ)
6 Malahov V. Neudobstva s identichnost'yu [The discomforts of Identity] //Voprosy filosofii. M., 1998. № 2. S. 43 – 53. (in Russ)
7 Hamidov A. Kategoriya tozhdestva i ponyatie identichnosti [The Category of Sameness and the Concept of Identity] //Al'-Farabi. 2019. № 1. S. 3 – 18. (in Russ)
8 Kara-Murza S. Manipulyaciya soznaniem [Manipulation of Consciousness]. - M.: EKSMO, 2005. – 832 S. (in Russ)
9 Erikson E. Identichnost': yunost' I krizis. [Identity: Youth and Crisis]. - Izd. 2-e, M.: Flinta, MPSI, Progress, 2006. – 352 s. (in Russ)
10 Fromm E. Chelovecheskaya situaciya [The Human Situation]. - M.: Smysl, 1995. – 239 s. (in Russ)
11 Dunaev V., Kurganskaja V. Identichnost': semantika ponjatija i logika diskursa [Identity: The Semantics of the Concept and the Logic of Discourse] //Al'-Farabi. 2020. №2 (70). S. 36 – 52. (in Russ)
12 Gegel' G. V. F. Nauka logiki [The Science of Logic]. [V 3-h t.]. T. 2. -M.: Mysl', 1971. – 248 s. (in Russ)
13 Gegel' G. V. F. Nauka Logiki. [The Science of Logic]. [V 3-h t.]. T. 1. -M.: Mysl', 1970. – 501 s. (in Russ)
14 Trufanova E. O. Chelovek v labirintе identichnostej [Man in the Labyrinth of Identities] //Voprosy filosofii. 2010. № 2. S. 13 – 22. (in Russ)
15 Krejdlin G. E. Neverbal'naya semiotika. Yazyk tela i estestvennyj yazyk. [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. - M.: NLO, 2002. – 592 s. (in Russ)
16 Grigor'eva S. A., Grigor'ev N. V., Krejdlin G. E. Slovar' yazyka russkih zhestov. [Dictionary of the Language of Russian Gestures]. - M.: Yazyki russkoj kul'tury; Vena: Venskij slavisticheskij al'manah, 2001. – 256 s. (in Russ)

- 17 Kupriyanov V. V., Stovichek G. V. Lico cheloveka: anatomiya, mimika. [The Human Face: Anatomy and Facial Expression]. - M.: «Medicina», 1988. – 268 s. (in Russ)
- 18 Yazyk i semiotika tela. T. 1. Telo i telesnost' v estestvennom yazyke i yazyke zhestov [Language and Semiotics of the Body. Vol. 1. The Body and Corporeality in Natural Language and Sign Language]. - M.: «NLO», 2020. – 396 s. (in Russ)
- 19 Yazyk i semiotika tela. T. 2. Estestvennyj yazyk i yazyk zhestov v kommunikativnoj deyatel'nosti cheloveka [Language and Semiotics of the Body. Vol. 2. Natural Language and Sign Language in Human Communicative Activity]. - M.: «NLO», 2020. – 264 s. (in Russ)
- 20 Akishina A. A., Kano H., Akishina T. E. Zhesty i mimika v russkoj rechi. Lingvostranovedcheskij slovar' [Gestures and Facial Expressions in Russian Speech: A Linguistic and Cultural Dictionary]. - M.: «Russkij yazyk», 1991. – 145 s. (in Russ)
- 21 Sossyur F. de. Kurs obshchej lingvistiki [Course in General Linguistics] //Sossyur F. de. Trudy po yazykoznaniiu. M.: «Progress», 1977. S. 31 – 285. (in Russ)
- 22 Istrin V. A. Vozniknovenie i razvitie pis'ma [The Origin and Development of Writing]. - M.: «Nauka», 1965. – 601 s. (in Russ)
- 23 Berdyaev N. A. O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filisofii [On the Slavery and Freedom of Man: An Essay in Personalist Philosophy] // Berdyaev N. A. Carstvo Duha i carstvo Kesarya. M.: Respublika, 1995. – S. 4 – 163. (in Russ)
- 24 Tartakovskaya I. N. Zachem nuzhen vtoroj «Gender dlya “chajnikov”» [Why do we need a Second «Gender for “Dummies”»] //Gender dlya «chajnikov» - 2. M.: «Zven'ya», 2009. S. 7 – 23. (in Russ)
- 25 Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana [The Origin of the Family, Private Property and the State: In Connection with the Researches of Lewis H. Morgan] //Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2-e. T. 21. M., 1961. S. 23 – 178. (in Russ)
- 26 Shaburova O. V. Gendernye issledovaniya [Gender Studies] //Sovremennyy filosofskij slovar'. Izd. 2-e, ispr. i dop. – London, Frankfurt-na-Majne, Parizh, Lyuksemburg, Moskva, Minsk: PANPRINT, 1998. – S. 180 – 183. (in Russ)
- 27 Bovuar S. de. Vtoroj pol [The Second Sex]. T. 1 i 2. M.: «Progress»; SPb.: «Aletejya», 1997. – 832 s. (in Russ)
- 28 Skott Dzh. Gender: poleznaya kategoriya istoricheskogo analiza [Gender: A Useful Category of Historical Analysis] //Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. II. Hrestomatiya. Har'kov: HCGI; SPb.: «Aletejya», 2001. S. 405 – 436. (in Russ)
- 29 Evola Yu. Metafizika pola [Metaphysics of Sex]. - M.: «Belovod'e», 1996. – 444 s. (in Russ)
- 30 Moda [Fashion]. – Rezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Moda> (in Russ)
- 31 Svendsen L. Filosofiya mody [The Philosophy of Fashion]. - M.: Progress-Tradiciya, 2007. – 256 s. (in Russ)
- 32 Yan Czya. Semiotika mody (kostyuma) v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii [The Semiotics of Fashion (Costume) in the Context of Intercultural Communication]. Avtoreferat dis. ... Kand. kul'turologii. Shuya, 2011. – 16 s. (in Russ)
- 33 Batishchev G. S. Vvedenie v dialektiku tvorchestva [Introduction to the Dialectics of Creativity]. - SPb.: RHGI, 1997. – 463 s. (in Russ)
- 34 Bart R. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury [The Fashion System: Essays on the Semiotics of Culture]. - M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2003. - 512 s. (in Russ)

Ташбулатова М. К., Саудабекова Э. К.
Бірегейлік және оның семиозы

Аңдатпа. Мақала адам бірегейлігі және оның белгі қамтамасыз етілуі (семиоз) мәселесіне арналған. Ол әлеуметтік философияда, психологияда, әлеуметтануда және кейбір басқа ғылымдарда «сәйкестік» терминінің орнына «бірегейлік» терминін қолданудың негіздемесін түсіндіреді, өйткені ол осы салаларда арнайы функцияны атқарады және диалектикалық логикаға емес, формальды логикаға бағынады. Сондай-ақ, «сәйкестік» термині олардың контекстінде ерекше тұжырымдамалық жүктемені көтермейтін жағдайларда қолданылуы мүмкін екендігі атап өтіледі. Күрделі әлеуметтік-мәдени тұтастықта өмір сүретін, планетаның барлық елді мекендерінде өмір сүретін, сондай-ақ анағұрлым күрделі құрылымдарға (тіпті мемлекеттік) қосылған жеке адам бір немесе бірнеше бірегейліктерге ие бола алмайды деген тезис негізделеді. Адам ретінде ол полиидентті болып табылады. Және ол еңгізілген әлеуметтік-мәдени жүйе неғұрлым үлкен болса, соншалықты көп бірегейліктерге ие болады. Бұл ретте, біріншіден, оның барлық бірегейліктері ол үшін бірдей маңызды және құнды емес (ол болмағанды қалайтындар да бар), екіншіден, әлеуметтік-мәдени тұтастық тұрғысынан және оның жеке тұлға тұрғысынан оның бірегейліктерінің әртүрлі маңызы мен құндылығы бар. бірдей емес. Бірегейлік феноменінің, әдетте, құндылықпен немесе құндылықтың бейтарап аспектілерімен қатар, әрқашан семиотикалық маркерлері де болады. Мақалада бұл XX ғасырда және қазіргі XXI ғасырда диктаты ерекше күшті болған сән феномені мысалында көрсетілген.

Түйін сөздер: бірегейлік, өзіндік бірегейлігі, диалектикалық логика, формальды логика, семиоз, еркек, әйел, жыныс, гендер, сән.

Tashbulatova M., Saudabekova E.
Identity and its semiosis

Abstract. The article is devoted to the problem of human identity and its symbolic provision (semiosis). It substantiates and justifies the use of the term «identity» rather than «sameness» in social philosophy, psychology, sociology, and some other disciplines, as it serves a specialized function in these fields and is subject to formal rather than dialectical logic. It is also noted that the term «identity» can be used in cases where it does not carry a special conceptual load in these contexts. It substantiates the thesis that an individual living in a complex sociocultural whole –and virtually all human settlements on the planet are such, especially those included in more complex entities (including states) – cannot possess only one or a few identities. As a person, they are polyidentical. And the larger the sociocultural system they are included in, the greater the number of identities they possess. Moreover, firstly, not all of his identities are equally significant and valuable to him (there are some he would prefer not to have), and secondly, from the perspective of the sociocultural whole and from the perspective of the individual, his identities have different significance and value. The phenomenon of identity, as a rule, along with value-based or value-neutral aspects, always also has semiotic markers. This article demonstrates this using the example of the phenomenon of fashion, the dictates of which became especially strong in the 20th and now 21st centuries.

Key words: identity, self-identity, dialectical logic, formal logic, semiosis, man, woman, sex, gender, fashion.

Вклад авторов: идея темы, постановка проблемы исследования, разработка методологии исследования, поиск и анализ научной и философской литературы – **совместно**; **Ташбулатова М.К.**, анализ феномена идентичности в философском и социально-гуманитарном контексте, подготовка введения и окончательной версии статьи; **Саудабекова Э.К.**, анализ знаковых механизмов конструирования идентичности (раздел «Семиотические маркеры идентичности») и моды как семиотического маркера идентичности, подготовка заключительной части статьи, редактирование текста, участие в согласовании окончательной версии статьи.

Поступила: 25.02.2026

Принята: 14.05.2026